

ЭЛЛИ КАРТЕР

ТАЙНА ДОМА ВИНТЕРБОРНОВ

Дверь в будущее

#эксмогетство

Тайна дома Винтерборнов

Элли Картер

Дверь в будущее

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

Картер Э.

Дверь в будущее / Э. Картер — «Эксмо», 2021 — (Тайна дома Винтерборнов)

ISBN 978-5-04-158213-5

Очень непросто жить в огромном особняке с пятёркой непоседливых детей и всего одним взрослым. Но когда и этот взрослый исчезает, становится, конечно, ещё сложнее. Эйприл не впервые теряет тех, кто должен о ней заботиться, но в этот раз всё иначе – она верит, что Габриэль Винтерборн не мог её бросить. А значит, его надо найти. Вместе с друзьями они принимаются за поиски и открывают гораздо больше тайн, чем могли ожидать. Быть может, теперь станет ясно, откуда Эйприл взялась и почему у неё оказался ключ от наследия Винтерборнов? Хотя, вероятно, правда её совсем не обрадует. Ведь она уже выбрала себе семью – Габриэля и сирот дома Винтерборнов. И другие родственники Эйприл не нужны. Вот только Эйприл, похоже, очень нужна им...

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-158213-5

© Картер Э., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
1	7
2	11
3	16
4	21
5	24
6	27
7	32
8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Элли Картер

Дверь в будущее

© И. Эрхарт, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается Роуз, Рэйчел, Кэрри и Саре.
Я бы не справилась без вас*

Пролог

Все знали о Страже.

О том, что он был вымыслом. Его не существовало в реальности. А человек с двумя мечами и в шляпе – всего лишь персонаж истории о призраках, сотканной из тайн и загадок, легенд и мифов; всего лишь сказка, которую рассказывают, чтобы дети слушались, а злодеи боялись.

Никто не знал правды.

1

Другая обычность

Эйприл никогда не была обычной девочкой. Но и особенной она не была. Вовсе нет. Правда. Нет ничего особенного в том, чтобы не иметь ни родителей, ни фамилии, ни дня рождения – даже такого, который приходился бы на разочаровывающие даты вроде Рождества или Дня независимости США. Как видите, Эйприл не была особенной, нет. Но и обычной она тоже не была.

Всё-таки невозможно считать себя обычной, когда у тебя нет денег, но ты живёшь в роскошном особняке. Когда у тебя нет своей семьи, но ты часть семьи Винтерборнов. И что важнее всего – абсолютно, совершенно, решительно невозможно оставаться обычной, когда ты делишь комнату с Сэйди Мэри Симмонс – потрясающе талантливой изобретательницей.

– Ты готова? – спросила Сэйди тоном, от которого Эйприл пришла в ужас. Потому что у подруги в глазах был её фирменный «огонёк Сэйди», а сама она буквально дрожала от радости и предвкушения.

Руки Эйприл тоже начали подрагивать. Но по ровно противоположным причинам. Голос Эйприл тоже немного дрогнул, когда девочка предложила:

– Может, нам стоит подождать... кого-нибудь.

Но ждать было некого, и об этом Эйприл не осмелилась упомянуть.

– Габриэль будет в восторге! – воскликнула Сэйди. – Вот увидишь. Это здорово нам поможет, пока не вернётся Смиттерс. Или мисс Нельсон, – добавила она немного неуверенно, и Эйприл могла её понять.

Всё-таки Смиттерса не было уже четыре недели. Сначала он поехал на собрание Всемирной ассоциации дворецких, где выиграл ежегодную – и горячо обсуждаемую – битву дворецких (что было здорово). Но главным призом оказался кругосветный круиз (что было скверно). Когда Смиттерс позвонил домой, чтобы сообщить эту новость, то поклялся, что постарается вернуться как можно скорее.

А Габриэль... Габриэль просто выругался.

Эйприл подозревала, что злился он не столько на продолжительное отсутствие Смиттерса, сколько на то, что прошло уже три месяца с момента, как Изабелла Нельсон упала в море. Конечно, Иззи прислала записку, где сообщила, что жива и здорова. Но домой она не вернулась. И на данный момент Изабелла Нельсон отсутствовала уже двенадцать недель. Восемьдесят четыре дня. Не то чтобы Эйприл считала. (На самом деле, всё-таки считала.)

Каждый день обитатели дома Винтерборнов просыпались с надеждой, что она вернётся и станет ругать детей, чтобы те перестали бегать по лестницам, и Габриэля, чтобы он побрился и заправил рубашку. Но чем дальше, тем больше начинало казаться, что Изабелла Нельсон ушла навсегда.

Это было почти так же жутко, как взгляд Сэйди, когда девочка сказала:

– Прекрасно! Очки готовы?

Эйприл не ответила. Она просто схватила пластиковые защитные очки, которые Смиттерс закупил оптом и которые были неотъемлемой частью «Набора Дружбы Сэйди Мэри Симмонс».

В ту же секунду, как Эйприл водрузила очки на нос, Сэйди воскликнула:

– А сейчас...

И потянула за шнур. Секунду спустя большая роскошная плита Смиттерса ожила. Под тяжёлой чугунной сковородой заплескали язычки пламени, а миксер начал взбивать тесто в

огромной миске. Всё это выглядело довольно безобидно, но тут миска заскользила по столешнице.

И стала.

Медленно.

Наклоняться.

«Нет!» – хотела закричать Эйприл, но миска начала аккуратно наливать тесто на раскалённую сковороду округлыми маленькими лужицами будущих оладий.

– Подожди немного... – сказала Сэйди пару секунд спустя, и Эйприл снова начала тревожиться. – Сейчас! – воскликнула девочка, и раскалённая сковорода взмыла вверх. Оладьи подскочили и перевернулись, аккуратно упав обратно на свои места.

– Сработало, – сказала Эйприл наполовину потрясённо, наполовину с облегчением.

– Конечно, сработало, – Сэйди даже не разозлилась и не стала её упрекать. Реакция Эйприл была всего лишь частью огромного множества различных данных – и все они говорили, что новый «Сэйдимат» был готов увидеть свет.

Едва пульс Эйприл начал возвращаться в норму, Сэйди схватила нож и воскликнула:

– А теперь пора испытать бекон!

Но прежде, чем Эйприл успела запаниковать, кто-то сказал:

– Сэйди, я сам! – и в кухню влетел Тим. Он выхватил острый нож из руки Сэйди, прежде чем та успела прикрепить его к «Сэйдимату» номер двадцать, потому что неписаное правило дома Винтерборнов гласило: «Никогда и ни за что нельзя соединять “Сэйдиматы” и ножи».

Секунду спустя Тим уже открыл упаковку с ломтиками бекона, на плите зашипела вторая сковорода, и кухню наполнил лучший в мире запах: запах завтрака. «Честное слово, – подумала Эйприл, – я просто обязана сделать духи с ароматом завтрака. Тогда я точно стану богаче Габриэля».

Вспомнив о Габриэле, девочка бросила взгляд на часы. Десять утра.

В последнее время утро стало наступать позже, а ночь – тянуться всё дольше, и Эйприл стало интересно, отчего дом Винтерборнов больше и больше погружался во мрак: из-за времени года или чего-то ещё.

– Габриэль уже проснулся? – спросила Эйприл, но Тим странно на неё посмотрел.

– Я думал, он уже здесь.

– Я его не видела, – ответила девочка, и оба уставились на Сэйди. Та просияла.

– Я его позову!

Сэйди подбежала к маленькой настенной панели с целым миллионом кнопок. Та была медной и старой, и, без сомнения, не использовалась уже десятки лет, но недавно Сэйди серьёзно увлеклась идеей оживить старый интерком. Когда девочка нажала кнопку, не было видно никаких признаков подключения, но Сэйди всё же сказала:

– Габриэль! Кухня вызывает комнату Габриэля. Габриэль, ты там?

– Он не ответит, если в плохом настроении, Сэй, – сказал ей Тим.

Но мальчик добился лишь того, что Сэйди сильнее нажала на кнопку и закричала чуть громче:

– Габриэль! Габриэль! Габриэль! Габ... – девочка внезапно замолчала и посмотрела на Тима и Эйприл. – А что, если он меня не игнорирует? Что, если он ушёл?

Тим посмотрел на Эйприл, затем снова на Сэйди.

– Что значит «ушёл»?

– Что, если его нет в комнате, потому что он... понимаете... снаружи. – Сэйди резко повернула голову к окну. – Что, если он... стражничает? Что, если он стал Стражем? – попыталась объяснить она, но все варианты звучали как-то странно, поэтому девочка в конце концов просто выпалила: – Что, если он делает «это»?

– Я так не думаю, Сэй, – сказал Тим.

– Почему нет? – возразила Сэйди. – То есть... да. Конечно. Я тоже считала Стража городской легендой, но теперь-то мы знаем, что он настоящий! Сами подумайте. Страж всё время был реален! И он всегда был Винтерборном. А Габриэль – единственный оставшийся Винтерборн, – сказала Сэйди так, словно два плюс два естественным образом равнялось мстителю в маске. – К тому же Габриэль всегда был похож на супергероя со своими клинками и всем остальным. Почему он не мог выскользнуть ночью на улицы, чтобы вершить правосудие?

Для Сэйди этот вопрос казался совершенно логичным, и Эйприл серьёзно задумалась над ответом. «Потому что ему плевать на наследие Винтерборнов? Потому что он ещё не до конца восстановил силы после того, как несколько раз чуть не умер из-за меня? Потому что его тело не может быть в порядке, когда сердце разбито?»

Но вместо этого Эйприл сказала:

– Потому что он бы нас предупредил, верно?

Она посмотрела на Тима, который словно прочёл её мысли, потому что мальчик пожал плечами и пробормотал:

– Точно.

И Сэйди ему поверила. Просто потому что была Сэйди.

– Ага. В этом есть смысл, – она сосредоточенно кивнула. – К тому же я почти закончила прототип его костюма. Габриэль не стал бы уходить без него. Кстати говоря, его обязательно делать чёрным? Я знаю, что Страж всегда так одевался, но, должна заметить, к его глазам очень бы подошёл серебряный.

Эйприл понимала, что подруга говорит серьёзно, потому что Сэйди никогда и ни за что не стала бы шутить о прототипах – но не знала, что ей ответить. К счастью, говорить ничего не пришлось, потому что в этот момент дверь кухни распахнулась настежь, и кто-то завопил:

– Помогите!

Этот кто-то звучал как Вайолет. И выглядел как Вайолет. Или, по крайней мере, её часть. Тонкие ручки торчали из клетчатого сарафана, махая и отчаянно пытаясь или натянуть его полностью, или снять. Вайолет застряла в неловком промежуточном положении и теперь была в ловушке, ничего не видя и вскрикивая всё отчаяннее:

– Снимите его! Снимите его! Снимите...

Треск.

Сперва Эйприл подумала, что на сарафане разошёлся шов, но затем увидела Тима. И нож. Вайолет медленно высунула голову наружу. Короткие чёрные волосы встали дыбом от статического электричества, а глаза наполнились слезами.

– Оно уменьшилось, – пожаловалась девочка.

– Это ты подросла, – поправил её Тим, и он был прав. Сарафаны Вайолет каждую неделю становились всё короче и короче, и вот, каким-то странным образом, всего за ночь её одежда превратилась из немного тесной в слишком маленькую. Подол был на десять сантиметров выше, чем нужно. Рукава белой блузки едва доходили до локтей, и даже с большим разрезом на спине девочка с трудом могла двигать руками. Вайолет сильно выросла с тех пор, как переехала в дом Винтерборнов, и Эйприл с трудом могла узнать в ней ту робкую, застенчивую, испуганную девочку, с которой познакомилась не так давно. Только большие карие глаза остались всё такими же.

– О! Оладушки! – Вайолет тут же перестала плакать и потянулась к тарелке у плиты. – И бекон! – Она положила кусочек бекона на оладью, а затем свернула её пополам, как буррито, и Эйприл подумала: «Вайолет знает толк в завтраках!» Снова раздался громкий треск рвущейся ткани, и когда Вайолет повернулась, Эйприл увидела, что разрез на её сарафане превратился в огромный разрыв вдоль всей спины.

– Габриэль сильно разозлится? – прошептала Вайолет, но Эйприл не стала говорить то, что думала: вполне возможно, Габриэль даже не заметит.

– Конечно нет, – сказала Сэйди. – Ты же не виновата, что растёшь. Мы закажем тебе новую одежду, а пока можешь поносить мою.

Она развернулась и бросилась в прачечную через кладовую дворецкого, но через несколько секунд прибежала обратно с пустыми руками. Глаза Сэйди были широко распахнуты.

– Что случилось? – спросил Тим.

– Я нашла Габриэля. – Сэйди настежь распахнула дверь прачечной, за которой обнаружился Габриэль Винтерборн – миллиардер, отшельник, опекун детей и, возможно, тайный мститель, спящий в груди чистого белья.

– Значит... он всё-таки не ходил геройствовать сегодня ночью? – сказала Эйприл, а Сэйди осторожно подошла ближе.

Грудь Габриэля едва заметно поднималась и опускалась, а иначе Эйприл могла бы подумать, что мужчина умер там, под весом простыней, полотенец и носков. Но чтобы убить Габриэля Винтерборна, требовалось нечто большее, чем куча белья. Всё-таки его дядя, Иверт, пытался сделать это с тех пор, как Габриэлю исполнилось десять. Но сейчас Иверт сидел в тюрьме, а Габриэль был жив, здоров, и, кажется, немного пускал слюни.

– Думаете, стоит его разбудить? – прошептала Сэйди, когда Габриэль что-то пробормотал и зарычал во сне. Его живот урчал, и хотя бельё было довольно мягким и уютным, вряд ли на нём было очень удобно спать, поэтому Эйприл подошла поближе.

– Габриэль? – прошептала девочка, но тот только зарычал громче. – Габриэль, проснись. – Она протянула руку, чтобы потрясти Габриэля за плечо, но, учитывая его прошлое, это могло быть ошибкой.

Нет.

Это точно была ошибка. Эйприл поняла это, когда большая ладонь резко схватила её запястье. В следующую секунду девочка взмыла в воздух, перелетела через плечо Габриэля и приземлилась на груды пушистых белых полотенец.

Мужчина низко, по-звериному зарычал и схватил Эйприл за горло. Сейчас он был совсем не похож на одного из самых богатых людей мира, а его голос ничем не напоминал голос мальчика, который вырос в особняке с дворецкими, горничными и личными наставниками.

В этот момент Эйприл поневоле вспомнила, что Габриэль Винтерборн провёл десять лет в бегах – тренируясь, сражаясь и ожидая дня, когда он сможет поквитаться с человеком, убившим всю его семью.

Но его план не сработал.

К счастью для Эйприл.

Она слышала, как Сэйди выкрикивает имя Габриэля, и видела, как Тим колотит его по плечам, но мужчина был слишком сильным, его руки – слишком большими, а пустой взгляд не отрывался от Эйприл, которая пыталась кричать, но получалось только хрипеть.

– Габриэль! – прошептала она. – Габриэль, проснись, – девочка не могла дышать. Не могла думать. Она могла только шептать. – Пожалуйста!

Габриэль застыл. Моргнул. И, похоже, начал постепенно приходить в себя – вспоминать, где он находится. Эйприл не знала, хорошо это или плохо. Но хватка Габриэля наконец ослабла, и он посмотрел на девочку так, словно сам был в ужасе.

– Эйприл? – растерянно спросил он.

– Завтрак, – ответила Эйприл, потому что завтрак всё делает лучше.

2

Урок химии

Борода Габриэля Винтерборна стала слишком густой, а волосы сильно отросли, и Эйприл приходила в изумление от того, как быстро он перестал притворяться приятным, обходительным, влиятельным человеком, каким его хотел видеть мир, и стал раздражительным, ворчливым и угрюмым мужчиной, который ненавидел бриться.

Иногда Эйприл даже не верилось, что прошло всего четыре месяца с того момента, как она впервые нашла Габриэля, который прятался в темноте и затачивал свои клинки. Но после утреннего происшествия девочку не покидало чувство, что внутри него скрывалось что-то ещё, пока не известное Эйприл. «Ну и ладно», – сказала себе девочка. По крайней мере, дети смогли вытащить Габриэля из погребца, и пах он теперь кондиционером для белья, что в целом было большим прогрессом.

Габриэль подавил зевоту и направился к кофеварке. Обнаружив банку с кофе пустой, он прорычал что-то, по мнению Эйприл, похожее на португальское ругательство, и швырнул банку в мусор.

Затем мужчина присмотрелся к Вайолет в слишком короткой блузке и сарафане с рваной дырой на спине.

– Что это на тебе?

– Сарафан? – нерешительно сказала Вайолет, словно это был вопрос с подвохом.

– Что ты ешь? – спросил Габриэль.

Девочка положила последний кусочек оладьи в рот и пробормотала:

– Оладушки. Там ещё остались?

Тим положил одну ей на тарелку, и Вайолет схватила её так, словно это была последняя еда в мире.

Габриэль уставился на Эйприл, словно та была в чём-то виновата.

– Она растёт, – объяснила девочка. – Такое случается. Ей нужна новая одежда.

– Я в курсе, – ответил Габриэль. – На самом деле... – Он прошёл в прачечную, сдвинул в сторону кучу грязного белья и вытащил картонную коробку. – Вот.

Эйприл настороженно посмотрела на неё. Но Сэйди схватила коробку и начала разрывать картон так, словно внутри скрывался секрет самой жизни. Затем девочка замерла и с растерянным выражением лица вытащила наружу что-то клетчатое. Очень много клетчатой ткани.

– Что это? – спросила Сэйди.

– Одежда, – сказал Габриэль.

– Какая одежда? – голос девочки звучал подозрительно.

– Форма, – небрежно ответил Габриэль, но то, что Сэйди достала из коробки, было примерно втрое больше Вайолет.

– Форма какого размера? – уточнила она.

– Меня не спрашивали про размер, – пробормотал Габриэль угрюмо, словно оправдываясь. – Меня спросили, сколько ей лет, и я сказал, что четырнадцать.

– Мне восемь, – сообщила Вайолет и накинула новый сарафан поверх старой одежды. Подол опустился до самого пола. Лямки на плечах провисли.

– Подозреваю, что это был четырнадцатый американский размер, – сказала Сэйди.

Габриэль склонил голову набок, словно надеясь, что, если посмотреть на Вайолет с другого ракурса, одежда вдруг станет ей впору.

– Ладно, останется на вырост, – пробормотал он, возвращаясь на кухню.

Сэйди открыла рот, собираясь поспорить, когда дверь снова распахнулась, и в кухню вошёл Колин. Его чёрные волосы были зачёсаны назад, а глаза ярко блестели. Он так сильно походил на юного Габриэля, что его мать-мошенница однажды попыталась выдать мальчика за наследника Винтерборнов, и этим утром Колин был похож на идеального Габриэля даже больше, чем сам оригинал.

– Почту принесли, – сообщил он, бросая несколько новых конвертов, буклетов и журналов поверх вороха старых. Подростковая куча бумаги покачнулась. Эйприл затаила дыхание, ожидая, что бумаги опрокинутся, но стопка перестала качаться и встала ровно.

Тут девочка заметила, что в руке Колина остался один листок. Почтовая открытка.

– Откуда она? – спросил Тим.

– Амстердам, – ответил Колин.

– Когда отправлена? – уточнила Сэйди.

Колин проверил обратную сторону.

– Полторы недели назад.

Никто не спрашивал, есть ли там послание. И никто не сомневался, кто отправитель открытки.

Вайолет молча взяла листок из руки Колина, подошла к холодильнику и подложила открытку под остальные, которые дети получали в течение последних нескольких месяцев. Аккуратно разложив листки так, чтобы была видна только первая буква названия каждого места, дети смогли прочитать сообщение:

«ЕЩЕ ЗЛА».

Пока остальные смотрели на Вайолет, Эйприл наблюдала за Габриэлем, который из всех сил старался притвориться, что ничего не ждал и ни на что не надеялся.

– Три месяца прошло, – сказал Колин, внезапно оказавшись самым смелым из всех.

– Я в курсе, – ответил Габриэль.

– И? – спросила Эйприл, потому что иногда была самой недогадливой.

– Что «и»? – спросил Габриэль.

– Что ты собираешься делать?

– Мы не можем повлиять на время, Эйприл. Оно проходит, хотим мы этого или нет.

– Ага. Да. Но мы можем выбирать, как им распорядиться. – Девочка раскинула руки в торжественном Сэйди-жесте, но торжественно у Эйприл не вышло, как она ни старалась.

– Ты должен её вернуть, – спокойно произнесла Вайолет.

Она была, наверное, единственным человеком, на которого Габриэль не мог – или не хотел – кричать. Он просто посмотрел на Вайолет сверху вниз и сказал:

– Она вернётся, когда будет готова.

– Мне просто любопытно, – Колин прислонился к кухонной стойке и скрестил руки, – когда же настанет это «когда».

– Иди попей молока, – огрызнулся Габриэль.

– Оно закончилось, – бесхитростно сообщила Сэйди. – Я потратила последнее на оладушки. И разрыхлитель для теста тоже кончился, кстати.

– Ещё нет. – Габриэль сходил в кладовую и принёс коробку.

– Это сода, – сказала Сэйди.

– И что? Это одно и то же.

Габриэль попытался сунуть коробку Сэйди, но та вздрогнула и закричала:

– Сода и разрыхлитель – разные вещи! Их нельзя так просто менять друг с другом! Это же химия! – потому что химия и оладьи были двумя предметами, с которыми Сэйди не шутила.

– Всё хорошо, Сэйди. Я её уже использовал, – сообщил Габриэль.

Тут дети резко притихли.

– Использовал для чего? – медленно спросила Сэйди, уже опасаясь услышать ответ.

– Для торта, – ответил Габриэль.

– Какого ещё торта? – прошептала девочка, и тут кухня начала заполняться дымом.

Заревела пожарная сигнализация.

То, что произошло дальше, могло бы закончиться хаосом в обычном доме с обычными детьми, но дети дома Винтерборнов остались спокойными и сосредоточенными. Колин закричал:

– Пожарная тревога! – И все немедленно начали действовать.

Вайолет распахнула дверь чёрного хода, а Тим стал открывать окна. Колин схватил кухонное полотенце и начал обмахивать пожарную сигнализацию, которая вопила так громко, что Эйприл казалось, у неё вот-вот пойдёт кровь из ушей.

Она не знала, стоит ли радоваться тому, что их действия так хорошо отработаны, или ужасаться тому, сколько у них было практики.

Эйприл потянулась к дверце духовки. Габриэль воскликнул:

– Не трогай! – но было слишком поздно. Наружу вырвались густые клубы дыма. Внутри духовка выглядела так, словно в маленькую форму для выпечки поместили небольшой вулкан.

Сэйди включила вентилятор и начала выдувать дым в открытые двери и окна, но ошметки испорченного торта насмерть прилипли ко дну духовки. И к дверце. И к стенкам.

Габриэль схватил форму рукой, обёрнутой полотенцем, но, едва успев вытащить её наружу, ойкнул, выругался и швырнул раскалённую форму в раковину.

– Полотенце влажное! – предупредила Сэйди, но было поздно. На ладонях Габриэля – там, куда попал пар от мокрого полотенца и горячей формы, уже начали вздуваться красные волдыри.

– Неотложная помощь! – крикнул Колин и бросился в кладовую за аптечкой.

– Давай. Сунь руку под холодную воду.

– Всё нормально, Эйприл, – сказал Габриэль.

– Да хватит уже...

– Я сказал, всё нормально, – огрызнулся мужчина, но потом, похоже, пожалел об этом. – Прости. – Габриэль оглянулся на хаос, в который его торт превратил духовку, пол и раковину, и сказал: – Добавь разрыхлитель в список покупок.

Раздался непонятный звон, и Эйприл первым делом решила, что включилась другая сигнализация, предупреждая о новой катастрофе. Дети посмотрели на духовку и детектор дыма, окна и двери, но у них не было готового плана действий для странного звона, и никто не знал, какие позиции занимать.

– Что это? – спросила Эйприл, но все молчали. Похоже, никто даже не догадывался, что произошло, но тут Сэйди подскочила и воскликнула:

– Он работает!

– Кто работает? – одновременно спросили Колин, Тим и Эйприл, бросая на девочку подозрительные взгляды.

– Дверной звонок!

– У нас есть дверной звонок? – хором спросили все трое.

После возвращения Габриэля множество людей стучали и кричали, заходили и заглядывали в дом Винтерборнов. Двери особняка почти не закрывались из-за потока адвокатов и репортёров, чиновников и партнёров по бизнесу. Все хотели отхватить кусочек от давно пропавшего Винтерборна, поэтому Габриэль запер ворота и отключил телефоны. С тех пор как уехал Смиттерс, никто не мог войти в стены особняка.

Когда звон повторился, Эйприл сказала:

– Я открою.

Шагая по коридору и через фойе, девочка гадала, кто бы это мог быть. Ведь Смиттерс сейчас находился где-то в районе Тихого океана, а Иззи не стала бы звонить в звонок.

Или... вдруг звонила Иззи? Может, она забыла ключи... Может... Эйприл не хотела тешить себя надеждой, но надежда поднималась в груди без её разрешения, поэтому девочка затаила дыхание, распахивая дверь.

И оказалась лицом к лицу с женщиной, которая совершенно точно не была Изабеллой Нельсон. От разочарования Эйприл чуть не затошнило.

– Кто вы? – спросила Эйприл.

Возраст незнакомки было сложно понять. Эйприл подозревала, что она всегда была старой. И недовольной. Рот кривился так, словно женщина выжала слишком много лимона себе в лимонад, а затем втянула через трубочку семечко и не успела его выплюнуть.

Незнакомка открыла рот и сказала:

– Это ты кто? – таким тоном, словно хотела преподать Эйприл урок хороших манер.

– Я первая спросила, – возразила девочка. – Между прочим, сейчас не я в вашу дверь звоню, верно?

На лице женщины появилось выражение, словно ей только что дали пощёчину, но Эйприл даже не убрала ладонь с дверной ручки.

– Где твой опекун?

– У меня его нет, – сказала Эйприл, хотя это было не совсем так. Раньше фондом Винтерборнов, который был учреждён их семьёй, управляла Иззи. Девочка догадывалась, что теперь, когда главой фонда стал Габриэль, то и опекунов над детьми формально перешло к нему. Но, откровенно говоря, большую часть времени Эйприл чувствовала, что это она за него отвечает. И это началось задолго до того, как Габриэль начал спать на груди белья. На самом деле с ним было гораздо меньше хлопот, когда он лежал без сознания и истекал кровью.

Женщина обдумала слова Эйприл и взялась за крошечный карандашик, который висел у неё на шее на серебристой цепочке. Как свисток.

– Я ищу Габриэля Винтерборна, – пояснила женщина, и Эйприл рассмеялась.

– Леди, вы такая не первая.

Впрочем, она была самой старой из всех. Но девочка мудро оставила свои наблюдения при себе.

Когда женщина начала что-то писать на планшете с зажимом, нащёптывая слова себе под нос, её карандашик чудесным образом стал казаться ещё меньше.

– Разрешает детям открывать дверь незнакомцам, – она взглянула на Эйприл и добавила: – Без присмотра! – и в придачу подчеркнула эти слова два раза.

– Понимаете, он сейчас завтракает, – беспомощно сказала Эйприл. – И он сегодня злой. А ещё у нас кончился кофе, поэтому он стал ещё злее, но если хотите, вы можете сказать мне, что...

– Эйприл, иди сюда! – раздался из кухни резкий голос, а женщина снова схватилась за свой карандашик и написала: «Демонстрирует неспособность управлять гневом...»

– Кто вы... – начала Эйприл, но не договорила. Ей это было не нужно. Потому что девочка провела десять долгих лет, сменяя приюты, приёмные дома и другие места, ни одно из которых не было её родным домом, и сейчас в её голове раздался тревожный звоночек. На этот раз причиной был не дым. И не дверь. Это был совершенно другой сигнал тревоги.

И тут, впервые за всё время, женщина улыбнулась. Хотя это не была искренняя улыбка. Она скорее походила на ухмылку, которая говорила: «Попались!» Женщина достала из сумочки визитку, сунула её Эйприл и, отодвинув девочку в сторону, вошла в особняк.

Эйприл не хотелось опускать взгляд. Ей не хотелось читать слова на визитке. Конечно, девочку никто не заставлял, но Эйприл всё равно это сделала.

«Служба защиты детей. Глэдис Питтс, старший агент».

Эйприл слишком давно не имела дел с системой опеки. Она расслабилась и стала неосторожной. Похоже, её радар на социальных работников вышел из строя, потому что, когда Эйприл начала паниковать, женщина уже была внутри и шагала по коридору.

– О нет. Мисс Питтс! Стойте. Погодите. Здравствуйте. Меня зовут Эйприл. – Девочка трусцой бросилась за ней, пытаясь догнать, но женщина зашла уже слишком далеко в коридор и теперь была на полпути к кухне. И тут... о нет. Раздались крики.

– Мне нравится ваш карандашик! – Эйприл попыталась отвлечь гостью, нагоняя её.

К сожалению, крики стали только громче.

– Может, подождёте здесь, пока я не приведу Габ... то есть, мистера Винтерборна? Этот особняк такой большой. Он бы не хотел, чтобы вы заблудились. Нет. Он встретится с вами... в библиотеке. Да. В библиотеке. Я провожу вас туда, а потом найду его, и...

Она не ожидала, что женщина остановится. И развернётся. И снова улыбнётся Эйприл своей неискренней улыбкой.

– О, похоже, я могу найти его сама, – сказала мисс Питтс и толкнула кухонную дверь. Та распахнулась, открывая комнату, которая мало чем напоминала кухню, покинутую Эйприл всего пару минут назад.

«Сэйдимат» номер двадцать, похоже, всё-таки вышел из-под контроля. Миксер быстро работал. Слишком быстро. По кухне, как шрапнель, летали брызги теста. В воздух взметнулось облако муки, и Эйприл закашлялась, оказавшись внутри.

Бекон на плите брызгал салом. Вайолет бегала кругами в новом сарафане, который был ей велик по меньшей мере на пять размеров. Весь пол покрывали кусочки испорченного торта, под потолком клубился дым, и запах на кухне ясно говорил, что завтрак закончился ужасно, ужасно неправильно.

А затем полетели яйца.

Габриэль кричал на Сэйди, Сэйди кричала на Колина, а Тим крикнул:

– Вайолет! – и оттащил её с пути шального яйца, которое летело прямо ей в голову.

Благодаря быстрой реакции Тима оно разминулось с Вайолет и полетело дальше. В пункт своего конечного назначения. Как маленькая белая ракета, прямо в...

Шмяк!

Габриэль, наконец, дотянулся до розетки и вытащил вилку «Сэйдимата». Тим отключил плиту, и бекон на ней перестал гореть.

Но кусочки скорлупы уже запутались у женщины в волосах.

Яркий яичный желток сползал ей на глаза.

Все, застыв, смотрели на неё, а Вайолет произнесла:

– Надо добавить яйца в список покупок.

3

Инспекция

Эйприл считала, что теоретически всё могло быть и хуже.

Всё-таки здесь не случился настоящий пожар – всего лишь незначительный взрыв торта, который даже не вышел за пределы духовки. Конечно, все до единого обитатели дома Винтерборнов (возможно, за исключением Эйприл) выглядели так, словно устроили сражение едой. И еда победила. Но никто не истекал кровью. Если не учитывать руку Габриэля, никто даже не пострадал.

Секунду все просто стояли на кухне, наполнявшейся прохладным свежим воздухом с ароматом жжёной муки, ожидая, пока что-нибудь ещё перевернётся или полетит, сломается или загорится. Тем временем дым рассеялся, и Эйприл наконец-то представился случай ска-
зать:

– Габ... эм... мистер Винтерборн. У нас гость. Это мисс Питтс.

– Эйприл...

– Она из службы защиты детей, – многозначительно добавила девочка. Она даже подмигнула. Но в целом Эйприл оставалось только молиться, чтобы Габриэль понял её намёк.

Тот открыл рот, но для чего – чтобы выругаться или зарычать, – Эйприл узнать так и не удалось, потому что в этот самый момент от потолка решила отклеиться оладья и рухнула женщине на голову.

– Как не вовремя, – пробормотал Колин, но в остальном на кухне было совершенно тихо – все стояли, не шевелясь.

– Мистер Винтерборн, – тон женщины был ледяным, а слова – резкими, но Габриэль не стал ждать, пока она договорит.

– Мистером Винтерборном был мой дядя, мадам. Если вы не слышали, он сейчас в тюрьме. Но я здесь. Зовите меня Габриэлем.

Габриэль Винтерборн был довольно молодым. И довольно красивым. И, посмотрим правде в глаза, достаточно богатым, чтобы очаровать всех вокруг. Но, хотя Габриэль научился почти успешно притворяться идеальным аристократом, очарование до сих пор давалось ему плохо.

Женщина снова скривилась и медленно произнесла:

– Мистер Винтерборн, меня зовут Глэдис Питтс. Я новый агент по вашему делу.

Это была бы самая ужасная в мире фраза, если бы Габриэль не сделал ещё хуже, повернувшись к детям и спросив:

– У нас что, был старый агент?

Колин прищурился и бросил на Габриэля взгляд, намекающий, что тот всё портит. Габриэль повернулся обратно к женщине.

– То есть, да. Рад познакомиться с вами, мисс Питтс. Добро пожаловать в дом Винтерборнов. Могу я предложить вам чашечку кофе?

– Кофе кончился, – напомнила Вайолет.

– Или чая, – добавил Габриэль.

– Чай тоже...

– Чем могу быть полезен, мисс Питтс? – продолжил Габриэль, словно зачитывая строки пьесы, в которой он совершенно не хотел участвовать.

– Мистер Винтерборн! – снова заговорила женщина. – Обычно я не занимаюсь подобными делами лично, но учитывая вашу... скажем так... репутацию, и... – она замолчала, огля-

дывая яйца, муку, бекон и тесто для оладий, медленно стекающее по стенам и капающее с потолка, – особенные обстоятельства...

– Вы это слышали? – Колин лукаво улыбнулся. – Мы особенные.

Женщину это не впечатлило.

– Боюсь, я вынуждена взять вашу ситуацию под свой личный контроль. И, должна сказать, если вы так готовитесь к инспекции...

– Инспекции? – хором спросили все обитатели дома Винтерборнов, но женщина их, похоже, даже не услышала.

– За двадцать три года я впервые работаю с опекуном, который не удосужился прочесть одно-единственное письмо...

– А что, было письмо? – спросил Габриэль, и как раз в этот момент массивная стопка бумаг покачнулась и наконец упала, рассыпавшись по полу.

Тем временем женщина взяла свой карандаш и начала писать на планшете:

– Чистота домашней обстановки, – она огляделась, поджала губы и сделала пометку. – Соответствие питания потребностям детей, – она развернулась и обошла остальную часть кухни, открыв большой (но почти пустой) холодильник, и сделала новую пометку, которую Эйприл не видела, но которая звучала довольно осуждающе. (Если, конечно, звук карандаша, делающего пометки, мог звучать осуждающе.)

Казалось, хуже быть уже не могло, но тут мисс Питтс подошла к Вайолет в её платье, сшитом на подростка – поверх другого платья, которое Тим порезал ножом.

– Бытовые потребности детей...

– Это всё я виновата! – наконец воскликнула Сэйди. – Я сделала эти «Сэйдиматы»! Меня зовут Сэйди, – добавила она услужливо. – Я делаю «Сэйдиматы». Они никогда не работают так, как задумано. Просто, знаете, «Сэйдимат» номер девятнадцать получился довольно хорошо, и мне казалась, что я в ударе, и...

Карандаш. Планшет. «Качество присмотра за детьми».

Отмечено.

– Это всё ради науки, – чуть не расплакалась Сэйди, но женщине было всё равно.

– Это было домашнее задание? – спросила она.

– Ну, нет, но...

– Я так и думала. Потому что вы, очевидно, не учитесь.

Сэйди ахнула.

– Конечно, я учусь! – Эйприл впервые слышала, чтобы голос подруги звучал так оскорблённо.

– Тогда почему вы сейчас не на уроках? В... – женщина взглянула на часы, – десять сорок пять, в будний день?

Сейчас был будний день? Честно говоря, Эйприл этого даже не знала. Дни, недели, месяцы... Они не замечали дат – только то, сколько времени прошло. Уже давно каждый день был днём, который заканчивался мыслью «Почему Иззи не вернулась домой?»

Женщина вскинула бровь, словно гордилась тем, что победила в споре с двенадцатилетней девочкой, и хотела получить свой приз.

Поэтому Эйприл сказала:

– Мы как раз собирались туда. На урок. Чтобы... образовываться. Прямо сейчас.

– Правда? – с сомнением спросила мисс Питтс. – И кто именно проведёт этот урок?

До неприличия долгое время все молчали. А затем Колин наступил Габриэлю на ногу. Сильно.

– Ай! – воскликнул тот, но секунду спустя собрался с мыслями. – Я проведу.

– Превосходно. – Женщина сильнее сжала свой планшет. – Тогда не стану вас задерживать. Давайте посмотрим на ваше учебное место. И пока мы будем там, возможно, я смогу

переговорить с некоторыми детьми с глазу на глаз? – спросила мисс Питтс, но все присутствующие дети были достаточно умны, чтобы понять, что это не вопрос.

– Как тебя зовут?

– Колин.

– А дальше? – как только все поднялись в классную комнату, женщина надела очки, которым на вид было минимум пятьдесят лет. Они прекрасно сочетались со старомодными часами, и старомодным карандашиком, и старомодной причёской, в которой до сих пор виднелись кусочки яичной скорлупы.

– Какая у тебя фамилия, Колин? – спросила женщина.

– Зависит от того, кто спрашивает, – ответил тот, но мисс Питтс казалась растерянной, и мальчик пояснил: – У меня их несколько.

– Продолжай, – скомандовала женщина, которая явно ничего не знала про Колина и мелкую аферу, которая превратилась в крупную аферу, когда мать мальчика сбежала, отказавшись от него и бросив в доме Винтерборнов. Как оказалось, к счастью.

– Видите ли, дорогуша, когда-то я жил жизнью преступника. Я сменил множество городов. Множество имён. Можно сказать, я даже не знал, что такое стабильность и безопасность, до того, как попал в дом Винтерборнов.

Это было лучшее выступление маленького афериста, голос которого звучал весьма трогательно. – Эйприл хорошо его знала. Но женщину рассказ Колина не впечатлил.

– Ты попал сюда больше года назад, я права? – спросила она.

– Да, и я каждый день благодарю Господа за эту милость, – ответил Колин, вкладывая в слова побольше чувств.

– Но сейчас дом Винтерборнов стал другим, не так ли? – с нажимом спросила мисс Питтс. – Когда он... как бы сказать... перешёл под новое руководство?

Габриэль на другой стороне комнаты пытался развернуть старомодную карту, которая висела у потолка, свёрнутая в рулон. Но та разворачиваться не желала. Каждый раз, когда мужчина тянул шнур, карта быстро сворачивалась обратно, выскальзывая из рук.

– Ах да, мистер Винтерборн, – позвала женщина через всю комнату, – какой урок вы сегодня проведёте?

Карта снова попыталась свернуться, но на этот раз Габриэль успел её поймать. Он схватил со стола пару ножниц, пригвоздил полотно лезвиями к стене, и карта, наконец, осталась в развёрнутом виде.

– Географию, – прохладно ответил Габриэль.

– Превосходно, – сказала мисс Питтс.

Габриэль спросил:

– Все готовы? – и Эйприл поняла, что он на самом деле имел в виду: «Подыграйте мне. Не облажайтесь».

Дети шеренгой подошли к столу и расселись за ним так, словно делали это постоянно, и мисс Питтс, наверное, впервые за день выглядела немного впечатлённой.

– В доме Винтерборнов используется метод погружения в материал, – сказал Габриэль растерянной женщине.

– Понимаю, – ответила мисс Питтс тоном человека, который не понимал. – Продолжайте, мистер Винтерборн. Мне интересно посмотреть на ваш урок... географии, верно?

– Да. Эм... уф... дети, это Город, – он повернулся к карте и указал на маленькую страну возле Адриатического моря. – Он находится в трёх часах езды на машине от морской границы. Или в девятнадцати часах езды на осле. Я бы не советовал ехать на осле. В любом случае... это довольно отдалённая страна. Живёт сельским хозяйством. Их деньги называются коинами, но

с тех пор, как там рухнул железный занавес, настоящей валютой стала власть, – Эйприл чувствовала, как растёт уверенность Габриэля. – Пара удачных взяток в нужные руки, и можно...

Колин громко кашлянул и кивнул головой в сторону социального работника. Габриэль тут же опомнился.

– Можно ознакомиться с богатой культурой этого замечательного места.

– Хм, – сказала женщина и взялась за свой крошечный карандашик.

– Мисс Питтс, у вас есть вопрос? – спросил её Габриэль.

– Кроме детей здесь находитесь только вы, мистер Винтерборн?

– Да, – честно признался Габриэль.

Женщина перевернула листок на планшете.

– Основываясь на наших документах, в особняке должен быть слуга.

Габриэль кивнул.

– Смиттерс сейчас в отпуске. Скоро будет дома.

– А ваш дядя? – спросила женщина, и Габриэль фыркнул:

– Как мы выяснили ещё внизу, мой дядя сейчас проживает в тюрьме, – мужчина улыбнулся.

– Он контактировал с детьми? – уточнила мисс Питтс, которая, к счастью, не услышала, как Колин бормочет себе под нос:

– Только когда пытался нас убить.

Но Габриэль сохранял самообладание. Он даже улыбнулся женщине.

– Тогда дом был, как вы выразились, «под руководством» другого человека.

– И где же Изабелла Нельсон?

Это было хуже, чем яйцо. Чем оладья. Чем все неловкие, смущающие, раздражающие вещи, произошедшие с тех пор, как мисс Глэдис Питтс переступила порог дома Винтерборнов. Она стояла с планшетом и карандашиком, совершенно не заботясь о том, что задала вопрос, на который никто здесь не знал ответа.

– Мистер...

– Путешествует, – огрызнулся Габриэль. – Изз... мисс Нельсон путешествует.

– Путешествует где?

– Мы только что получили от неё почтовую открытку. Из Дублина, – услужливо пояснила Сэйди.

– О, правда? Как мило. И как жаль.

– Почему жаль? – спросила Эйприл.

Мисс Питтс стояла, разглядывая комнату, где было больше пыли, чем мог бы позволить Смиттерс. С почти скучающим видом она сказала:

– Мисс Нельсон потребовалось много месяцев, чтобы стать главой и квалифицированным опекуном этого фонда.

– Теперь за фонд отвечаю я, – сообщил Габриэль.

– А дети? – мисс Питтс оглядела его с ног до головы. – За них тоже отвечаете вы? Потому что, должна сказать...

– Детям здесь хорошо, – сообщил Тим.

– Правда? – спросила женщина, снимая кусочек яичной скорлупы со своего платья. – Это мы ещё посмотрим. – Мисс Питтс направилась к двери. – Что ж, не хочу больше отвлекать вас от такой познавательной лекции, поэтому откланяюсь. Но, будьте уверены, вы обо мне ещё услышите, мистер Винтерборн. – Она остановилась и оглянулась. – Советую читать свои письма.

Женщина зашагала прочь – через дверь, по коридору, пока стук её чопорных туфель по паркетному полу не затих совсем.

– Тим?

– Пойти за ней и убедиться, что она ушла? – предположил мальчик.

Габриэль кивнул, и Тим стрелой бросился наружу. А вместе с ним, казалось, из комнаты пропал весь кислород.

Габриэль пробормотал:

– Урок окончен, – но ни у кого не хватило смелости сказать, что это был совсем не урок. Это было испытание. И Эйприл ещё долго сидела за столом, боясь представить, какими будут результаты.

4

Приглашение

Эйприл должна была проголодаться. Но она не хотела есть. До того, как попасть в дом Винтерборнов, девочка постоянно была голодна. Но этим вечером Эйприл смотрела на шесть разных супов из того запаса продуктов, который Сэйди называла «экстренным шкафчиком Смиттерса», и ни один из них не казался ей даже чуточку аппетитным.

Возможно, Эйприл заболела. Или у неё было слишком много причин для беспокойства. И дело было даже не в том, что кто-то попытался спасти взорвавшийся торт, который стоял перед детьми, похожий на руины, с глазурью вместо побелки.

– Мммм. Выглядит так здо-о-орово, – протянула Вайолет, вымученно улыбаясь Габриэлю.

– Простите. Он должен был выглядеть... по-другому.

– Всё нормально, – поспешно сказал Тим.

– Нет. Он выглядит не так, как на картинке.

– Думаю, на вкус он неплохой, – попытался утешить его Тим (на вкус торт оказался ужасен).

– Я куплю разрыхлитель, когда пойду в магазин.

– Габриэль? – позвала Сэйди.

– Да?

– Возможно, тебе не понравится эта идея, но есть магазины, которые занимаются доставкой, и я могу всё организовать. Нам нужен будет только номер твоей кредитной карты и...

– О, я знаю номер его креди... – Колин осёкся, когда Габриэль покосился в его сторону.

– Не знаю. Я ничего не знаю, – поправился Колин и сунул в рот ложку с томатным супом.

– Хорошо, – через мгновение сказал Габриэль.

– Что? – спросила Сэйди.

– Сделай это. Что угодно. Заказывай всё, что хочешь, Сэйди. Мне неважно.

Эйприл видела, что ему действительно всё равно. От этого становилось грустно. И страшно. Потому что она провела в системе опеки десять долгих лет и успела понять, что безразличие опекуна не всегда было во благо.

Но Сэйди этого не знала. Сначала у неё были двое любящих родителей, потом бабушка, которая её обожала, а затем мисс Нельсон и Смиттерс, которые сделали бы всё возможное, чтобы девочка была в безопасности.

Она не видела угрозы в том, как Габриэль пожал плечами и пробормотал:

– Трать сколько хочешь. Покупай что хочешь. Мне всё равно.

Сэйди ничего не понимала. Но Тим понимал. Они с Эйприл переглянулись через стол.

– Ты имеешь в виду одежду и другие вещи тоже? – продолжала Сэйди, не веря своей удаче. – Потому что Вайолет до сих пор нужны...

– Да. Просто... покупай всё, что вам нужно. Мне безразлично. Уж деньги у меня есть.

Никто не стал спрашивать, чего у него нет – возможно, потому, что дети опасались услышать ответ. Поэтому они просто продолжили есть суп.

– Эта ужасная женщина не знает, о чём говорит, – сказала Эйприл. – Это лучшее место, где я когда-либо жила, Габриэль. За всю свою жизнь.

– Да, – согласился Тим. – У меня то же самое.

– Они нас не заберут, – воскликнула Сэйди. – Они не смогут. Они не станут! Ты... Мы... Они нас не заберут! Нужно только следить за письмами, чтобы не пропустить новое уведомление, и тогда я сама организую уборку, и мы будем мыть и прибирать дом по очереди, а ещё

от Смиттерса и Иззи остались учебные планы, и мы можем... Они нас не заберут! – сказала девочка в последний раз, но это звучало так, словно Сэйди пыталась убедить саму себя.

– Конечно нет, – Габриэль вымученно улыбнулся. – А теперь ешьте, – добавил он, и все продолжили ужинать – кроме Колина, который принялся сортировать письма, раскладывая по стопкам.

– Предлагают кредитную карту. Может, ты хочешь...

– Колин, – зарычал Габриэль.

– Ладно, это мы выбросим, – сказал мальчик, пряча листок в одну из стопок, и продолжил разбирать бумаги.

– Счета. Счета. О, – Колин поднёс к носу розовый конверт и втянул воздух. – Духи. У кого-то здесь есть поклонница.

Габриэль просто пожал плечами и сказал:

– Порви.

– Счета, – продолжил Колин. – Научный еженедельник, – он протянул журнал Сэйди. – Счета... – тут мальчик замолчал и долгое время ничего не говорил. Только смотрел на большой конверт в руках. Даже через стол Эйприл видела, что это не рекламный буклет. И точно не счёт. Конверт выглядел дорогим и роскошным, из материала, больше похожего на ткань, чем на бумагу. Но именно адрес отправителя заставил всех за столом притихнуть.

«ФОНД ВИНТЕРБОРНОВ».

– Так, что у нас тут? – сказал Колин, вскрывая конверт и доставая карточку из плотной бумаги. В глаза Эйприл сразу бросились слова «торжественный» и «благотворительный» и «музей». Девочка не хотела на них смотреть, потому что эти слова напоминали о том, как она оказалась в музее во время пожара. И что в нём, возможно, самую малость была виновата она. (Совсем чуть-чуть.)

Поэтому Эйприл не хотелось задерживать взгляд на этом кусочке бумаги. Но Габриэль поступил наоборот. Он смотрел на приглашение не отрываясь и поглаживал пальцем обратную сторону листка так, словно тот содержал в себе тайны вселенной.

– Знаешь, это просто бумага. Ничего страшного, если... – Эйприл осеклась, увидев имя на приглашении: Изабелла Нельсон.

И тогда Габриэль встал.

И ушёл.

Эйприл помогла Тиму и Вайолет убрать со стола. Потом, пока Колин мыл, а Сэйди вытирала посуду, Эйприл её складывала. Но большую часть времени она просто стояла, скучая по Смиттерсу. И по Иззи. Потому что Смиттерс смог бы подобрать нужные слова, чтобы успокоить Габриэля. А Иззи просто дала бы ему подзатыльник и велела выбросить из головы всё, что его беспокоит. И Габриэль именно так бы и сделал.

– Как насчёт ночи кино? – спросила Сэйди, сверкая глазами, как только дети убрали в шкаф последнюю посуду. – Попкорн тоже кончился, но мы всё равно можем что-нибудь посмотреть. Лично у меня настроение пересмотреть мультки от Pixar.

Дети направились в домашний кинотеатр, но Эйприл, дойдя до двери, осталась стоять в коридоре.

Тим оглянулся на неё.

– Ты с нами?

– Нет. Может быть. То есть... я кое-что забыла.

Мальчик не стал спрашивать что. Он просто кивнул и сказал:

– Ладно. Скажешь нам, когда его найдёшь.

Но Эйприл Габриэля не нашла.

Его не было в той комнате, которую Смиттерс называл гостиной (и в которой, по мнению Эйприл, были самые неудобные кресла во всём доме).

Его не было в комнате, где он спал или должен был спать, но в которую ни разу не зашёл, потому что спальня принадлежала его маме и папе.

Габриэля не было в библиотеке. И в прачечной. И в оранжерее, за которой ухаживал Смиттерс, стараясь сохранять растения зелёными даже посреди зимы, хотя ничего съедобного там не росло.

Она заглянула в рабочий кабинет (хотя девочка не знала, над чем Габриэль там работал), музыкальную комнату (где совершенно никогда не звучала музыка) и кладовую дворецкого (где не обнаружилось никаких дворецких).

Она даже обыскала погреб, где Габриэль когда-то прятался и жил, и где чуть не умер.

Но Габриэля Винтерборна нигде не было.

Эйприл поднималась по библиотечной лестнице, чтобы снова проверить балкон, когда услышала какой-то скрежет внизу.

Эйприл уже привыкла видеть, как большие камни в полу библиотеки падают вниз, образуя спиральную лестницу, ведущую в темноту, где скрывался величайший секрет – и наследие – семьи Винтерборн. Но всё равно каждый раз это ощущалось как нечто волшебное. По какой-то причине этой ночью Эйприл стояла особенно тихо и неподвижно, стараясь не разрушить магию момента, когда из тайного хода появилась фигура в чёрной футболке и узких штанах. Девочка едва успела различить черты лица Габриэля, прежде чем он накинул на плечи плащ (да! плащ!) и натянул поглубже на глаза чёрную шляпу.

У Эйприл перехватило дыхание. Потому что мужчина перед ней больше не был Габриэлем Винтерборном. Он стал Стражем. И сейчас он направлялся к выходу.

Эйприл сбежала по спиральной лестнице к двери библиотеки как раз вовремя, чтобы увидеть, как Габриэль быстрыми шагами пересекает слабо освещённый задний двор особняка и начинает спускаться по лестнице, которая зигзагом прорезала скалу, заканчиваясь на каменистом побережье. Девочка перегнулась через скалистый уступ и увидела, как на лодочной пристани вспыхнул свет. Секунду спустя взревел мотор катера, и судно помчалось в море, направляясь в сторону города.

К этому моменту Эйприл уже перестала о чём-либо думать. Она развернулась и побежала обратно в дом. Петляя по коридорам, девочка добралась до домашнего кинотеатра и настежь распахнула двери.

Впрыгнув в мерцающий свет проектора перед остальными детьми, она воскликнула:

– Это случилось! Он это делает! Он стражничает!

– Не думаю, что такое слово существует, – сказал Колин, а Тим резко подскочил с кресла.

– Когда? – спросил он.

– Прямо сейчас.

5

Весна

Эйприл никогда не боялась темноты. Не потому, что хорошо видела. (Она всё-таки не кошка.) И даже не потому, что чувствовала себя уютно. (Эй, в темноте скрывается целая куча разных вещей. И многие из них кусаются!) Просто образ жизни Эйприл всегда был неразрывно связан с темнотой. В ней было удобно прятаться, и красться, и делать разные необходимые дела. Но, что важнее всего, ночь была временем, когда выходили монстры – разве это не лучшее время, чтобы на них охотиться?

Так себя убеждала Эйприл, пока бежала, низко пригнувшись, по скальному выступу у городской пристани.

Тим пришвартовался неподалёку от катера Габриэля – значит, мужчина был где-то рядом. Эйприл с Тимом и Колином вряд ли отставали от него больше чем на десять минут. Мотор катера был ещё тёплым, а значит, Габриэль не мог далеко уйти.

Но от воды поднимался густой туман, а луна скрылась за плотной пеленой облаков. С моря дул пронизывающий ветер, холодный и сырой, пахнувший солёным снегом. Но Эйприл не осмеливалась замедлить шаг – потому что у неё была миссия.

И голос в ухе, который сказал:

– Весна, ты видишь цель?

Эйприл закатила глаза, радуясь, что Тим с Колином убедили остальных девочек остаться в особняке и следить за коммуникатором, на использовании которого настояла Сэйди.

– Мне не нравится это кодовое имя.

– У тебя есть идеи получше? Конец связи.

– Не думаю, что нам обязательно каждый раз говорить «конец связи», – сказал Колин.

И добавил: – Конец связи.

– Весна? – снова позвала Сэйди.

– Ты можешь называть меня Эйприл, – отозвалась девочка.

– Нет. Сэйди права, – сказал Колин.

– Спасибо, Джеймс Бонд, – поблагодарила Сэйди.

– Если честно, мне не нравится твоё кодовое имя, – пробормотал Тим.

– Очень жаль, – сказал Колин. – Я учтив. Любезен. И с лицензией на уби... Ай! – воскликнул мальчик, споткнувшись о камень. – Я в порядке! – закричал он в передатчик.

– Ты что-то говорил, Супершпион? – спросил его Тим.

Но Сэйди в их наушниках огрызнулась:

– Кто-нибудь из вас видит цель?

И Эйприл вспомнила, что у них ещё есть дела.

Она могла представить выражение лица Сэйди, которая смотрела на мониторы, отслеживая точки, обозначающие их троих. Но точки Габриэля там не было. В этом-то и заключалась проблема.

– Я так и знала, что нужно было навесить маячки на старомодные вещички Стража, – сказала Сэйди уже, наверное, в десятый раз с того момента, как Эйприл ворвалась в кинотеатр, прерывая ночь кино. – Я думала, что смогу убедить Габриэля использовать мои изобретения, но не-е-ет, мне «ни в коем случае нельзя их трогать». Могу поспорить, его плащ даже не огнеупорный. А ведь я могла бы сообразить что-нибудь всего за неделю, если бы он разрешил.

Тим и Эйприл переглянулись. Им было страшно даже представить эксперименты, которыми Сэйди проверяла бы огнеупорность своих изобретений.

Но сейчас у них была проблема поважнее. Габриэль был неподалёку. Где-то. Делая... что-то. И он мог быть ранен. Мог нуждаться в помощи. Конечно, семья Винтерборн целыми поколениями переодевалась в легендарного Стража и боролась с преступностью. Сам Габриэль учился фехтованию с раннего детства и провёл десять лет в бегах, сражаясь, выживая и тренируясь, чтобы свершить свою месть. Но сегодня он впервые примерил на себя роль супергероя, да и Эйприл, в конце концов, просто хотела увидеть его в деле.

Пристань была небольшой. Над головой висели тусклые лампочки, освещая путь от катеров до пустынной парковки справа. За ней виднелась дорога пошире, ведущая в более оживлённые части города. Но именно то, что было слева от Эйприл, заставило её остановиться и замереть. Темнота, галька и деревья. Девочка была на девяносто процентов уверена, что там какой-то парк – но ощущался он, скорее, как чёрная дыра. Как бездна. И Эйприл никак не могла решить, какой путь страшнее, и поэтому стояла на месте и обдумывала варианты.

Она уже собиралась предложить Колину и Тиму разделить, чтобы было удобнее осматривать большую территорию, но тут в наушниках «Сэйдисоника» раздался голос Вайолет:

– Эм... ребята. Мне кажется, что там... кто-то есть. Слева от вас.

Эйприл застыла и стала вглядываться в сумрак. Дул холодный ветер, да тихонько гудел над головой «Сэйдивидец 600», пилотируемый Вайолет. Девочка чувствовала, что Колин стоит у неё за спиной.

И тогда Тим сказал:

– Я его вижу.

Тени вдали зашевелились, и среди камней и деревьев стремительно, как клочок бумаги, гонимый ветром, мелькнула чёрная фигура.

Эйприл уже видела, как он тренировался. Видела, как он сражался. Она знала Габриэля Винтерборна, но в том, как он крался сквозь крошечную тьму прямо сейчас, было что-то потустороннее. И, похоже, это чувствовала не только Эйприл, потому что все трое были особенно осторожны, поднимаясь по неровной земле каменистого холма. Несколько раз девочке хотелось обернуться, чтобы проверить, не осталась ли она одна. Потому что внутри росло чувство холоднее и сильнее ветра. Эйприл не замечала ничего, кроме пристани, исчезающей за спиной, и тени Стража, которая металась во тьме впереди, а тучи над головой висели всё так же плотно, закрывая свет луны.

Вдалеке виднелась высокая и внушительная каменная стена, и когда дети добрались до неё, Эйприл даже не удивилась, не обнаружив поблизости Габриэля.

– Вы же не думаете, что он... перелез через неё, нет? – спросил Колин, а Тим рассмеялся.

– Ты что, Габриэля не знаешь? – спросил он.

– Разумное замечание, – проворчал Колин, когда Эйприл отодвинула его в сторону и начала ощупывать каменную стену, ища там зазоры.

– Кто-нибудь, подсадите меня.

– Полегче, Весна, – сказал Колин, – давай не будем торопиться.

Но Тим уже подставил сцепленные в замок ладони под правую ногу Эйприл и подтолкнул её достаточно высоко, чтобы девочка смогла уцепиться за грубые холодные камни наверху стены.

– Мне кажется, это не лучшая идея, – предупредил Колин.

Но Эйприл уже перебирала ногами, подтягиваясь. Её пальцы горели, а в животе ворочалось беспокойство, словно девочка съела то, что не стоило трогать.

– Эйприл, – прошептал Колин, – мы даже не знаем, где находимся.

Но, заглянув за стену, Эйприл с усилием сглотнула и призналась:

– На самом деле... я знаю.

Дыма не было, но девочке показалось, что его запах возник у неё в носу, кружась в туманном воздухе и смешиваясь с солью моря. Эйприл смотрела на здание, которое в последний раз

видела в языках пламени. В газетах писали, что оно было полностью уничтожено, но газеты, похоже, ошибались, потому что одно крыло уцелело. Через высокие окна лился золотистый свет, и всё внутри выглядело ярким, свежим и новым.

– Эйприл, ты скажешь нам, что там, или нет...

– Это музей, Сэиди. Мы рядом с музеем.

– Тем, который ты сожгла? – спросил Колин, когда Эйприл наконец подтянулась достаточно высоко, чтобы усесться на стену.

– Ага. – Взгляд Эйприл блуждал по двору музея. – Тем самым.

– Что Габриэль там забыл? – спросила Сэиди, а Тим помог Колину забраться на стену рядом с Эйприл и сказал:

– Есть только один способ это узнать.

6

Возвращение Стража

Чем ближе Эйприл подбиралась к музею, тем чаще билось её сердце – и не только потому, что она бежала. Быстро. Посреди ночи. По пятам жаждущего крови миллиардера-мстителя. В сторону здания, которое не так давно сожгла. Хотя, конечно, не полностью.

Одно крыло музея было сверкающим и чистым, покрытым свежей краской, но было нетрудно разглядеть другую часть. Она походила на подгоревший тост, с которого соскребли черноту, и Эйприл предпочла бы обойтись без такого напоминания. Ей не хотелось вспоминать огонь и дым, и то, как мир вокруг перевернулся вверх тормашками перед тем, как девочка потеряла сознание. И ей совершенно не хотелось вспоминать о силуэте Стража, который отнёс её в безопасное место.

Эйприл много недель считала, что её спас Габриэль, но тот клялся, что этого не делал, поэтому Эйприл порой начинала задумываться, нет ли здесь доброжелательного призрака, спасающего своенравных маленьких девочек, когда те делают что-то глупое. Но Эйприл была слишком умна, чтобы верить в такое. Там, откуда она пришла, девочкам почти всегда приходилось спасать себя самостоятельно.

Поэтому она пригнулась и быстрее побежала через лужайку. Из окон лился свет, а в воздухе что-то витало. Что-то, очень похожее на...

– Музыка? – Колин остановился и огляделся. – Кто-нибудь слышит...

– Там! – Тим указал на балкон верхнего этажа здания – туда, где от лёгкого ветра, прилетавшего с моря, развевался чёрный плащ.

– Как он туда забрался? – спросил Колин.

– Он же Габриэль Винтерборн, – пожала плечами Эйприл.

И начала карабкаться вверх по стене.

Или, по крайней мере, собиралась.

Нет, Эйприл даже попробовала.

Если Габриэль смог взобраться на такую высоту в своём плаще, то наверняка и Эйприл – которая карабкалась по стенам лучше всех в своих прошлых приёмных домах – тоже это сможет. На ней даже была подходящая обувь. Но едва девочка взобралась на полметра, чьи-то руки схватили её поперёк талии и оторвали от стены.

– Эй! – воскликнула Эйприл, пытаясь развернуться и крикнуть на Тима. Но обнаружила, что повернуться не так-то просто, когда ноги не касаются земли. – Отпусти. Если Габриэль может, то...

– Эйприл...

– Ты хочешь помочь Габриэлю или нет?

Тим поставил девочку на землю и указал на Колина, который придерживал открытую дверь. Тот махнул рукой и произнёс:

– После вас.

Похоже, это был аварийный выход, потому что стены за ним были белыми, а лестница – металлической, и звук шагов эхом разносился по пролётам, пока дети взбегали всё выше и выше. Затем они проскользнули в коридор на этаже, где располагался балкон. На полу лежал толстый красный ковёр, и ноги ребят утопали в нём, не издавая ни малейшего звука. Но Эйприл всё равно думала, что предпочла бы сейчас очутиться в темноте.

Над головой висели яркие сверкающие люстры. Между окон, украшенных красными шторами, светили настенные бра. Пахло свежей краской, и у Эйприл разболелась голова – зато ничего не горело, и девочка решила, что это уже хорошо.

– Отлично, – тихо сказала Эйприл. – Сэйди, мы внутри. Мы разделимся и найдём Габриэля. Но нужно постараться не привлекать внимания. Так?

– Эй, это не нам нужно говорить, – отметил Колин.

– Ладно. Я не буду привлекать внимания, – пообещала Эйприл. Совершенно честно. Она на самом деле не собиралась нарушать обещание, ничего такого. – Мы просто найдём Габриэля и...

– Эм... ребята? – Тим стоял в тени в конце коридора, осматривая через перила зал внизу. – Помните то приглашение на элитную вечеринку? Похоже, это была костюмированная вечеринка.

– С чего ты... – Эйприл замолчала, увидев Габриэля, который поднимался по широкой лестнице. Эйприл пришлось собрать в кулак всю силу воли, чтобы его не окликнуть. Неожиданно Колин схватил девочку за руку, вынуждая присесть, а затем начал толкать в тенистое укрытие за большим цветочным горшком, стоящим у балюстрады.

– Что ты... – начала Эйприл, но Тим мотнул головой, и, проследив за его взглядом сквозь перила, девочка увидела среди шумной толпы внизу, рядом со шведским столом, ещё одного Габриэля. Или он говорил с женщиной возле двери? Габриэли были повсюду!

«Нет. Не Габриэли, – осознала Эйприл. – Стражи».

Похоже, это был самый популярный в городе костюм, потому что мужчины в длинных чёрных плащах и больших шляпах, в масках и с мечами стояли через каждые полметра.

Эйприл наблюдала, как гости общаются и танцуют, пока официанты кружат по залу с серебряными подносами.

– Габриэль сбежал, чтобы попасть на костюмированный бал? – сказала девочка, чувствуя себя подавленной, глупой и очень растерянной.

– Бал! – воскликнула Сэйди в наушниках. – Ох... там есть платья?

– Там есть роскошная еда? – спросила Вайолет.

– Габриэль тоже танцует? – восторженно уточнила Сэйди.

– Сэй, здесь каждый третий мужчина одет как Страж, – проинформировал её Колин. – Так что да. Тут танцует целая куча Габриэлей. Но невозможно узнать, какой из них настоящий.

– Это же бессмысленно, – не смогла сдержаться Эйприл. – Он бы не стал приходить на бал. Зачем ему...

Но затем Эйприл остановилась.

И застыла.

Потому что один из Стражей внизу закричал:

– Иззи!

А затем мужчина сорвался с места, проталкиваясь через толпу так, словно его не волновало, сколько официантов он сбил с ног или на сколько шлейфов наступил. Он пронёсся по залу и остановился возле женщины в белом платье и с гладкими чёрными волосами.

– Иззи? – услышала Эйприл свой собственный голос.

– Иззи там? – воскликнула Сэйди, но Эйприл не знала, что ответить, потому что не хотела её обнадеживать. Это было самое неподходящее место для надежд! Но, хотя Эйприл разочаровывалась уже сотню раз, она всё равно пододвинулась ближе к перилам, отчаянно стремясь расслышать каждое слово.

– Я думала, что она путешествует. Я думала, что она ушла. Я думала... что она нас бросила, – сказала Сэйди.

– Она действительно нас бросила, – сказал Тим. – Её здесь нет.

– Ты не можешь этого знать, – возразила Сэйди.

– Нет. Я знаю, – произнёс Колин.

– Но откуда...

– Потому что Габриэль не выглядит счастливым. – Колин указал на незнакомку в белом платье, уходившую прочь от мужчины, который, предположительно, был Габриэлем.

Если хорошо присмотреться, узнать его было несложно. Остальные Стражи на торжественном приёме просто играли в переодевание, но для Габриэля это была не игра. Это было предназначение. Право по рождению. И на этой вечеринке он был напряжён ещё больше, чем когда сражался насмерть на крыше дома своего дяди.

– Он даже не попробовал эти крошечные креветки, – сказал Колин. – Что за монстр способен спокойно пройти мимо креветок?

Габриэль стоял в углу, внимательно сканируя взглядом зал так, словно смотрел на поле битвы. Он отмечал в уме все выходы и пытался предсказать источники опасности, которая могла появиться откуда угодно. Когда к Габриэлю подошла женщина в облегающем платье, Эйприл начала опасаться, что он достанет свои мечи.

Когда женщина коснулась его руки, Габриэль вздрогнул, отодвинул её в сторону и зашагал через зал.

– Её здесь нет.

Эйприл слышала слова, но не узнала голос. Она даже не поняла, кто это сказал, но тут Габриэль остановился и развернулся к мужчине, который, как оказалось, стоял точно под местом, где прятались дети, ловящие каждое слово.

– Извините? – произнёс Габриэль.

– Вы искали Изабеллу Нельсон, я прав? Сегодня её здесь нет, мистер... – мужчина замолчал, ожидая, когда собеседник представится.

– Я Габриэль Винтерборн.

– Ого! Чудесно! Рад с вами познакомиться, – мужчина протянул руку. – Реджи Дюпре. Наслышан о вас.

– Неужели? – спросил Габриэль.

– Да. Мы с Иззи – хорошие друзья.

– Боже мой, – одновременно протянули Тим и Колин, а Габриэль внизу посмотрел на руку собеседника так, словно размышлял, не отрубить ли её.

В конце концов он ответил на рукопожатие. Незнакомец поморщился, и Габриэль отпустил его руку.

– У вас железная хватка. Так откуда вы знакомы с Иззи?

– Мы с Иззи... я... То есть она...

– Любовь всей его жизни? – прошептал Колин, но Габриэль внизу всё никак не мог подобрать слов.

– Старый друг, – его глаза наполнились печалью. – Она мой старый друг.

– Что ж, Габи, я сделаю вам одолжение и не скажу Иззи, что вы назвали её старой.

Незнакомец засмеялся. Габриэль нахмурился, и мужчина расхохотался ещё сильнее.

– Ого. Вы довольно серьёзно подошли к костюму, да? – Незнакомец выставил перед собой невидимый меч. – Кошелёк или жизнь!

– Я не разбойник с большой дороги. Я Страж.

Эйприл впервые слышала, как Габриэль произносит эти слова, но момент был испорчен ухмылкой на лице собеседника, который хлопнул его по спине и сказал.

– О, я прекрасно знаю, кто вы.

Этот момент тянулся настолько долго, а молчание между ними было настолько напряжённым, что Эйприл начала беспокоиться, но тут Габриэль, наконец, произнёс:

– Где Изабелла?

– Эм... не здесь. Разве я не сказал? Кажется, я уже говорил об этом.

Габриэль шагнул вперёд, медленно и угрожающе, и атмосфера стала тяжёлой, несмотря на яркие огни и маленькие блюда на сияющих тарелках.

– Где она? – снова спросил Габриэль, но на этот раз его слова походили на приказ. И тогда, впервые за весь разговор, Реджи Дюпре перестал улыбаться.

– Если бы она хотела, – медленно произнёс мужчина, – вы бы это знали.

– Ох. Пожалуйста, скажите мне, что он взял с собой ненастоящие мечи, – протянул Колин, а Эйприл ещё ближе подползла к перилам. Девочка ничего не могла с собой поделать. Ей не хотелось упустить ни слова.

В этот момент незнакомец взял маленькую криветку с проезжающей мимо тележки, сунул её в рот и сказал:

– Боюсь, мне пора бежать, но приятно было поболтать с вами, Гидеон.

– Я Габриэль.

– Ну, разумеется! – мужчина дружески похлопал Габриэля по руке. – Я так рад, что смог с вами познакомиться. Прекрасная выдалась ночь. И что у вас за костюм! – воскликнул он. – Боже мой. Если бы я не знал, то подумал бы, что вы настоящий Страж. Где вы его достали?

– Ох, понимаете... в доме Винтерборнов полно старых сокровищ. Оказалось, мои предки много поколений играли в переодевания.

Реджи, ничего не ответив, зашагал прочь.

– Ладно. Идём домой. – Эйприл почувствовала, что Тим отошёл от перил в тени балкона, но девочка не решалась сдвинуться с места. Ей хотелось ещё понаблюдать за Габриэлем. Возможно, ему была нужна помощь Эйприл. Возможно, ему была нужна помощь их всех. Десять долгих лет только две вещи заставляли его идти вперёд: желание остановить Иверта и жажда быть рядом с Иззи, и теперь он потерял обе свои цели – возможно, навсегда. Сейчас Габриэль выглядел так же, как Эйприл, когда Колин снова и снова раскручивал её на учительском стуле, и девочка понятия не имела, как остановить вращающийся мир.

– Эйприл?

– С ним всё будет хорошо?

– Конечно, будет, – сказал Тим. – Он же Габриэль. Ему можно бродить по ночам. В отличие от нас, поэтому нам лучше...

Вдруг музыканты внизу перестали играть. Свет погас. И темноту прорезал луч прожектора, направленный на сцену.

– Дамы и господа, – мужчина в эффектных очках и ярко-розовом смокинге взял микрофон, и его голос прогремел по всему залу. – Благодарю вас всех за то, что пришли и помогли нам собрать средства на обновление – и значительное улучшение – музея.

– Идём, – прошептал Тим, но не успела Эйприл сдвинуться с места, как услышала шум в темноте.

Раздался звон лифта, затем грохот. Шёпот. Кто-то включил рацию, и хриплый голос произнёс:

– Я на третьем этаже, проверяю сигнал тревоги. Похоже, кто-то прошёл через аварийный выход.

Сердце Эйприл забилося чаще и одновременно чуть не остановилось совсем, когда девочка услышала ответ через помехи:

– Хорошо. Взгляни по-быстрому. Скорее всего, это был официант, но мы всё равно должны проверить.

– Понял, – сказал первый охранник.

Внизу всё ещё вещал мужчина в розовом смокинге:

– Этой ночью нас посетил особенный гость. Интересно, сможет ли он сказать нам пару слов? Всё же фонд Винтерборнов – наш платиновый спонсор. Друзья, поприветствуем аплодисментами Габриэля Винтерборна!

А Габриэль... Габриэль стоял с таким видом, словно раздумывал, не стоит ли ему поджечь это место. Снова.

– Ну же, не стесняйтесь, мистер Винтерборн. Поднимайтесь на сцену.

Кто-то подтолкнул Габриэля к лучу прожектора. Тот выглядел так, словно собирался сражаться – или бежать – но в итоге он всё же оказался на всеобщем обозрении с микрофоном в руке.

Сначала толпа молчала. Все знали Габриэля Винтерборна. В детстве он был богатым и знаменитым мальчиком, любимым и популярным. Но затем мальчик сбежал, и никто пока не понимал, как относиться к мужчине, который вернулся.

Вежливые аплодисменты стихли, и повисла неловкая тишина. Через какое-то время Габриэль сказал:

– Здравствуйте.

А шаги охранника наверху становились всё громче, и Эйприл потянула за край какой-то дорогой ткани, свисавшей с потолка до самого пола и прикрепленной краем к широкой колонне, прячась.

Когда шаги раздалились совсем рядом, Эйприл чуть отодвинула ткань и взглянула на мужчину. Тот осмотрел аварийный выход и накрепко запер дверь. Теперь дети не могли уйти тем же путём, но им всё равно нужно было выбирать! Эйприл отпустила ткань, прислонилась к колонне и задумалась.

На этаже с другой стороны колонны было темно и пусто. Там должны быть и другие двери. Другие лестницы. Если только они с Тимом смогут попасть на другую сторону... если только...

И тут у девочки возникла идея. (Что было хорошо.) Но это была одна их идей в духе Эйприл. (Которые обычно заканчивались плохо.) Хотя девочку это не остановило.

– Что ты делаешь? – прошептал Тим, когда Эйприл перебросила ногу через перила.

– Мы можем попасть на другую сторону. Нужно только обогнуть колонну.

– Эйприл!

– Никто и не заметит, – сказала девочка. – Сейчас темно. Просто переберёмся через колонну, залезем обратно на балкон и сможем уйти с другой стороны. Пойдём.

– Эйприл! – Тим схватил её за рукав, но девочка уже вылезла за ограждение. Ей нужно было только дотянуться... Ей нужно было только ухватиться... Ей нужно было только обогнуть колонну и взобраться обратно на балкон...

Но в этот момент руки Эйприл начали скользить.

– Спасибо, что пришли. Я... эм... Габриэль. Габриэль Винтерборн.

Габриэль внизу отчаянно пытался подобрать слова, а Эйприл наверху отчаянно пыталась удержаться. Её туфля запуталась в красивой струящейся ткани, и, когда девочка попыталась поставить ногу между опорами перил, та соскользнула. Эйприл ухватилась за расшитую ткань, как за спасательный круг, и в какой-то момент просто повисла на ней.

– Эйприл! – Тим перегнулся через перила, но до Эйприл было уже не дотянуться.

Толпа ахнула и начала кричать и шептаться, когда ткань отцепилась от колонны и Эйприл вместе с ней полетела через зал, как худший в истории Тарзан, опрокинув цветочные вазы на пути и сбив стоявшую на постаменте в центре зала ледяную скульптуру. А затем она качнулась в обратном направлении.

– Ловите её! – закричал кто-то, но ткань затрещала и надорвалась, и Эйприл больше не летела. Она падала.

Гости закричали и бросились врассыпную. Эйприл ожидала удара о твёрдый пол, но его так и не последовало. Вместо этого Эйприл обнаружила себя в чьих-то сильных руках. (Что было хорошо.) Но затем она посмотрела наверх и встретилась с пылающими гневом глазами Габриэля. (Что было плохо.)

Снова раздались крики и вздохи, но Габриэль стоял, не шевелясь, и смотрел сверху вниз на девочку, тело которой пострадало далеко не так сильно, как её гордость.

– А это Эйприл, – сказал Габриэль остальным гостям так, словно это всё объясняло.

7

Второй Страж

Эйприл знала, что расстояние между музеем и пристанью просто не могло стать вдвое длиннее с тех пор, как троица детей пустилась в своё маленькое приключение. Но ощущалось совсем иначе.

– Ты, – Габриэль указал на Эйприл, – плывёшь со мной. Тим, вы с Колином сядете на второй катер. Не отставайте и не творите глупостей.

Габриэль встал у панели управления. Убрал шляпу. Снял маску. Скатал плащ в комок и сунул его в какой-то отсек, став почти тем же Габриэлем, которого знала Эйприл. Катер помчался вперёд, по тёмной и блестящей, как чернила, воде.

– Я уже говорила, что мне жаль?

– Эйприл, не сейчас, – сказал Габриэль.

И тогда Эйприл впервые почувствовала, что что-то в нём было... не так.

Облака разошлись, мужчину на долю секунды озарил лунный свет, и тогда Эйприл поняла.

– Эти мечи... пластиковые? – Неудивительно, что Габриэль вёл себя так угрюмо. Предыдущие поколения Винтерборнов сейчас, наверное, переворачивались в своих гробах. – Ты пошёл туда с пластиковыми мечами!

Но Габриэль даже не взглянул на неё.

– Эйприл, никто не станет брать на вечеринку клинки из испанской стали.

– Ох. Ладно. Хотя даже без них твой костюм был...

– Это не просто костюм, – огрызнулся мужчина.

– Я знаю! – воскликнула Эйприл. – Поэтому мы и подумали... – она замолчала, опасаясь говорить дальше, когда Габриэль развернулся к ней.

– Вы подумали что? – медленно спросил он.

– Мы подумали, что можем тебе понадобиться. Понимаешь... как подкрепление.

Габриэль покачал головой и отвернулся обратно к воде.

– Вы занозы в моей заднице – вот вы кто. О чём вы только думали?

– Я думала об этом. – Эйприл раскинула руки, указывая на воду, которая окружала их до самого горизонта. – Знаешь, это довольно страшно – смотреть, как человек умирает. И зажимать ему рану на груди, чтобы он не истёк кровью. Девочки просто не могут по-другому, – Габриэль попытался что-то возразить, но Эйприл ему не дала. – Не волнуйся. Я понимаю, что виновата. Я вообще во всём виновата.

Она рухнула на сиденье.

– Не ты отвечаешь за меня, Эйприл. А я за тебя. – Габриэль наклонился к ней так близко, что девочке могло бы показаться, что он собирался её обнять. Вот только он... ну... был не из тех, кто любит объятия. Поэтому Эйприл даже не удивилась, когда мужчина крикнул прямо в «Сэйдисоник», подозрительно молчавший в ухе: – Я отвечаю за всех вас!

Габриэль отвернулся к панели управления, и когда он заговорил снова, казалось, он говорит с темнотой.

– Я вас ни о чём не просил.

Это было больнее, чем падение. Боль была сильнее, чем от синяка на ноге, который Эйприл получила, врезавшись в ледяную скульптуру. Сильнее, чем от раненой гордости. Поэтому девочка сидела молча, пока в поле зрения не показалась лодочная пристань семьи Винтерборн.

– Я точно найму чёртову няню, – пробормотал Габриэль себе под нос. – Или смотрителя зоопарка.

Он пришвартовал катер и наблюдал, как Тим и Колин делают то же самое. Дети привязали лодку, и Габриэль указал рукой на лестницу в скале.

– А теперь идите в дом. Вы все. Пока не начался дождь.

Но Эйприл не сдвинулась с места – она не могла так просто уйти. Девочка сказала:

– Мне правда жаль.

– Не так жаль, как мне.

Габриэль даже не повернулся к Эйприл – словно не мог на неё смотреть. Казалось, он разговаривал с холодным ветром, обращался к темноте. Словно детей здесь и не было. Словно мужчина хотел, чтобы их здесь не было совсем.

– Мы...

Колин схватил Эйприл за руку и закончил вместо неё:

– Мы идём в дом думать над своим поведением!

Тим достал фонарик, когда дети зашагали вверх по скрипучей лестнице на скалистом утёсе. Воздух стал ещё более холодным и сырым. Тучи вдалеке засверкали молниями, но Эйприл совсем не испугалась. Она остановилась и оглянулась на воду и лодочную пристань.

– Я просто пыталась помочь.

– Мы знаем, – сказал Колин.

– Если бы он только нам позволил...

– Мы – не те, кто ему нужен, – сказал Тим.

Какое-то время дети поднимались в тишине.

– Она же скоро вернётся? – Эйприл не нужно было уточнять, кто эта «она». Все и так понимали.

– Сложно сказать, – ответил Колин. – Обычно я неплохо читаю людей, потому что семейный бизнес и все дела. Но, честно говоря... её мне никогда не удавалось прочитать.

Эйприл понимала, что мальчик имел в виду. Мисс Нельсон была доброй. Была замечательной. Но девочка не знала, какая она на самом деле. И не была уверена, знал ли это хоть кто-нибудь. И хотя Эйприл верила, что Изабелла Нельсон в конце концов вернётся, ей приходилось напоминать себе, что она десять лет надеялась на возвращение своей мамы. Эйприл привыкла ошибаться в таких вещах.

– Это странно, – произнёс Тим, останавливаясь, и Эйприл уткнулась в его спину.

– В нашей жизни много чего странного, Тим. Тебе стоит говорить точнее, – сказала девочка.

Тим указал на особняк над скалами.

– Свет не горит.

Колин с облегчением выдохнул и зашагал дальше.

– Сэйди неглупая девочка. Они с Ви, скорее всего, улеглись в постель ещё до падения Эйприл в музей. Они не станут навлекать на себя гнев Габриэля, если могут этого избежать.

Колин пересёк двор и толкнул дверь, но Эйприл почувствовала, как Тим напрягся. И не зря. В доме было слишком темно. Слишком тихо.

Осторожно проскользнув внутрь, Эйприл постаралась не шуметь. Она хотела действовать осторожно. Но запнулась и чуть не упала – к счастью, Тим успел вовремя её подхватить.

Колин рассмеялся.

– Осторожней, дорогуша. Погоди. Дай я включу...

Колин щёлкнул выключателем на стене, но свет так и не загорелся, и Тим пробормотал:

– Вайолет. Где Вайолет?

Эйприл почувствовала удар – она налетела на что-то ещё.

– Ай! – воскликнул Колин. Этим чем-то оказался он.

– Где Сэйди и Вайолет? – Тим начинал паниковать, это было ясно по его голосу.

– Я же сказал, скорее всего, в кровати. – Колин распахнул шкафчик, достал ещё два фонарика и протянул один из них Эйприл. – Я проверю генератор. Смиттерсу приходилось дёргать эту штуковину чуть ли не каждый раз во время грозы.

– Гроза ещё сюда не дошла, – возразил Тим, а затем бросился прочь. Эйприл слышала, как он бежит по коридору, крича. – Вайолет! Сэйди!

Эйприл собиралась пойти следом, но снова ударилась ногой.

– Ай! Что это за...

Эйприл направила луч фонарика вниз и увидела опрокинутый стул. Где-то в доме Тим завопил:

– Вайолет! – И Эйприл сорвалась с места.

Её беспокойство росло с каждым шагом. Мебель была передвинута. Картины на стенах перекошены.

А голос Тима становился всё отчаяннее:

– Сэйди! Вайолет! Где вы? Вайолет!

– Тим! – закричала Эйприл. – Где ты сейчас?

– В библиотеке! – крикнул он в ответ, и Эйприл припустила к дверям.

Гроза подходила ближе. Молнии сверкали ярче. Их всполохи проникали в дом через окна и стеклянные двери, и Эйприл обнаружила в библиотеке полный хаос.

Повсюду валялись книги. Стулья были опрокинуты. Тим замер на балконе, глядя вниз.

– Что происходит? – крикнула ему Эйприл. – Где они? Сэйди! Вай...

Вдруг Эйприл уловила в темноте какое-то движение и чуть не закричала, но затем узнала большую шляпу.

– Габриэль, – девочка сделала глубокий вдох, и её сердце снова забилося. – Я уж думала, нас грабят, – продолжила она, но ей в ответ раздался низкий гортанный смех.

И тогда Эйприл поняла.

– Ты не Габриэль, – сказала она, и фальшивый Страж обнажил меч.

Луч фонарика Эйприл отразился от клинка, и девочка закричала:

– Тим, нет! – но тот уже перемахнул через перила и прыгнул на Стража сверху. Оба рухнули на пол, но Страж был ловким и сильным. Он в мгновение ока откатился в сторону и вскочил на ноги.

И выхватил второй клинок.

Сверкнула молния.

Задняя дверь резко распахнулась – совсем не от ветра, – и в проёме возник Габриэль. Он держал в руке лампу с лодочной пристани, осветившую библиотеку мерцающим жёлтым светом.

– Габриэль! – завопила Эйприл, когда Страж бросился к нему с обнажёнными клинками. Это зрелище было похоже на бой Габриэля... с самим собой?

Он попытался отразить первый удар, но клинок Стража прошёл сквозь его меч так, словно тот был... игрушечным.

– Мечи пластиковые, – прошептала Эйприл сама себе.

Страж рассмеялся, а Габриэль зарычал. Наследник Винтерборнов ввязался в битву с театральным реквизитом, и Эйприл оставалось только закричать:

– Габриэль! – и бросить ему кочергу, подобранную возле камина.

Мужчина схватил её одной рукой, второй по-прежнему держа лампу.

Страж напал, но Габриэль легко отражал его атаки кочергой, кружа и парируя. Казалось, он сражался с собственной тенью. Затем мужчина медленно поставил лампу на пол и достал вполне настоящий нож.

Когда противник снова бросился вперёд, Габриэль поймал один из его клинков кочергой и провернул, отправляя оружие в полёт. Страж рванулся в сторону и перекатился через стол, но Габриэль обошёл его и встал напротив двери.

Хотя фальшивый Страж очутился в ловушке, выглядел он совершенно спокойным. Он огляделся по сторонам и подобрал... книгу, которую швырнул в Габриэля. Тот проворно уклонился.

– Мимо, – рассмеялся он.

– Так и задумано, – прошептал Страж.

Секунду спустя Эйприл поняла, что он имел в виду. Книга ударилась о стену и отскочила в античную вазу, которая упала на оставленную лампу.

Это было похоже на худший в мире «Сэйдимат». Лампа опрокинулась, и на дорогом ковре заплясали языки пламени, которые быстро перекинулись на плотные бархатные занавески со звуком, который был Эйприл слишком знаком.

– Только не это! – воскликнула она.

Но было слишком поздно. Огонь уже перепрыгивал с занавески на занавеску. Взметнулся чёрный дым, заполняя комнату, а фальшивый Страж рванулся, в прыжке выбил заднюю дверь и выскочил наружу.

Габриэль сорвал пылающие занавески и бросил их на мокрые камни террасы под потоки дождя, и, не дожидаясь, когда огонь погаснет, приготовился бежать. Догонять. Преследовать незваного гостя с мечами посреди грозы.

– Габриэль! – позвала Эйприл, даже не надеясь его остановить. – Габриэль, мы не можем найти Сэйди и Вайолет!

Тим позади неё снова закричал:

– Вайолет! Вай...

Но на этот раз кто-то ответил ему из тишины.

– Мы здесь!

Голос был едва слышимым и приглушённым, но совершенно точно принадлежал Сэйди.

Габриэль изменился в лице и, отодвинув Эйприл в сторону, вернулся в разгромленную библиотеку и направился к источнику приглушённых криков и глухих ударов, которые стали отчётливо слышны во внезапно притихшем доме.

– Помогите! – снова раздался тихий крик. – Мы здесь!

– Где именно? – воскликнул Тим, поворачиваясь и оглядываясь. И тут Эйприл увидела его: книжный шкаф, придвинутый к стене.

Нет. Придвинутый к двери.

– Отойдите, – скомандовал Габриэль и легко сдвинул тяжёлый шкаф в сторону, словно тот ничего не весил, и из маленькой кладовой, которую Эйприл раньше не замечала, вышли Сэйди и Вайолет.

Вспыхнул свет, и в дверях библиотеки возник Колин, спрашивая:

– Что тут случилось?

Эйприл пришлось признать, что она не знала ответа.

8

Кинжал

В камине горел огонь, но его тепла было недостаточно, чтобы согреть библиотеку, в которую через сломанную дверь проникал холодный ветер.

– Боже мой! – воскликнула Сэйди, взглянув на хаос вокруг. – Эйприл, что ты натворила?

– Ничего я не творила! Это сделал Страж, – сказала Эйприл, и Сэйди резко развернулась к Габриэлю. – Не он. Другой Страж.

– Расскажите мне всё, – потребовал Габриэль, но Сэйди и Вайолет обменялись такими же растерянными взглядами, что были у всех остальных.

– Ну, мы наблюдали за вами, ребята. А потом вырубилось электричество, и я вспомнила, что Смиттерс держал в этой кладовке упаковку свечей, мы пошли за ними, и...

– Сначала был какой-то шум, – добавила Вайолет. – Помнишь?

– Ага, – согласилась Сэйди. – Точно. Сначала я подумала, что от грозы опять разбилось окно, но когда мы спустились и зашли сюда, дверь захлопнулась за нами. Я решила, что это сквозняк, но потом дверь не открылась...

Тим сел на корточки перед Вайолет и внимательно её осмотрел.

– Ты не поранилась? – медленно спросил он.

Вайолет бросила взгляд на Сэйди и покачала головой.

– С нами всё хорошо, – ответила Сэйди.

Габриэль поморщился.

– А ты как? – спросила Эйприл.

– Просто царапина, – сказал Габриэль, держась за бок. Его чёрная футболка намочла от дождя – так сначала показалось Эйприл. Но она ошиблась, потому что дождевая вода не бывает красной.

– У тебя кровь, – сказала она.

– Это царапина, – отрезал Габриэль.

– Как-то многовато крови для простой царапины. Ну же. Дай посмотреть.

Мужчина выставил перед собой кочергу.

– Ты уже достаточно сделала.

– Габриэль, нужно позвонить в «Скорую». И в полицию! – Сэйди направилась к телефону на другом конце библиотеки, но Габриэль встал у неё на пути.

– Нет. Рана неглубокая, ничего жизненно важного не задето. Поверь.

– Габриэль, я могла понять твой отказ от помощи, когда люди считали тебя мёртвым, но сейчас... Ты можешь подхватить инфекцию, – сказала Эйприл, указывая на его бок.

– Если ты считаешь, что я не могу сам себя подлатать, то ты плохо меня знаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.